

ЭММА РУДКЕВИЧ

Измена мужа.
Ты десять лет спал
с моей подругой!

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты десять
лет спал с моей подругой!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты десять лет спал с моей подругой! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Утром в нашу квартиру ворвалась полиция. Меня обвинили в краже двухсот миллионов, а муж заботливо обнял перед следователем.— Не волнуйся, Вика. Мы всё решим! Через час Эдуард отстранил меня от работы. А моя лучшая подруга Кристина, семейный адвокат, потребовала подписать признание. Они уверены, что я сломаюсь. Ведь поддельные документы выглядят безупречно. Но суровый адвокат Игнатий Верес предлагает опасную сделку: я помогу разоблачить финансовую аферу, а он спасёт меня от тюрьмы. Вскоре открывается страшная правда: муж десять лет изменял мне с Кристиной. И наш брак, возможно, был частью тщательно подготовленного плана. Кто же на самом деле управлял моей жизнью?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты десять лет спал с моей подругой!

Глава 1

Кофемашина включилась по таймеру, раньше будильника. Я достала вчерашние круасаны и приоткрыла пакет: пахли ещё хорошо, можно не греть. Эдуард спал. Мне нравились эти полчаса на кухне без него — не нужно отвечать на вопросы о платежах, обещать позвонить Льву, искать чью-то потерянную вещь. Кафель охлаждал ступни, но за тапочками идти не хотелось. Помешивала молоко в чашке и выбирала, какой круассан оставить себе.

Вместо звонка в дверь ударили так, что ложка звякнула о край чашки.

С верхней полки упал бокал. Я ещё успела подумать: надо убрать, Эдуард спросонья наступит босиком. Потом в прихожей закричали. Ложка осталась у меня в руке; я держала её перед собой и пыталась понять, у нас это или у соседей. Но у соседей не могла дрожать наша дверь.

Дверь ударилась о стену. По полу проехала пластина разбитого замка, а за ней уже шли люди в жилетах с надписью «Полиция». Один развернул меня к стене. Я увидела его коротко обстриженный затылок, когда он оглянулся на остальных, и только потом почувствовала, как крепко он держит предплечье. Ложка выскользнула. От наклона чужой головы я почему-то ждала объяснения — сейчас скажет, что ошиблись квартирой.

— Не трогайте меня! — мой голос сорвался на визг, чужой и жалкий. — Вы вторгаетесь в частную собственность! Где ордер? Покажите документы!

До обоев оставался шаг; меня заставили его сделать. Бок о бок с чужим локтем, без возможности даже поправить халат. В кабинете выдвигали ящики, в спальне кто-то велел открыть шкаф. Я повторяла, что я финансовый директор, что здесь документы компании. Мужчина держал меня всё так же, будто я говорила не с ним. Попробовала вдохнуть поглубже и почувствовала запах его влажной рубашки.

Следователь обошёл лежащие в прихожей вещи и поставил папку на обеденный стол. Он был моложе мужчины, который держал меня. Я сразу посмотрела на его руки: папка, застёжка, аккуратно выровненная стопка. Человек пришёл подготовленным. От этого захотелось, чтобы Эдуард наконец вышел из спальни.

— Сорокина, Виктория? — Он перевернул папку ко мне. — Двести миллионов вывели через офшоры. Поручения подписаны вами. Посмотрите дату: пятница, тринадцатое.

Я искала, за что можно зацепиться в его словах. Он сказал «вами», даже не спросив, узнаю ли я документы.

Водяной знак был наш, бумагу заказывали сразу для всех отделов. Подпись выглядела моей. Я провела ногтем рядом с последней буквой, не касаясь чернил: этот маленький хвостик

сама бы не вспомнила, если попросили описать мой почерк. Откуда он здесь, на поручении, которого я раньше не видела?

— Я этого не подписывала. — Пришлось повторить громче. — Проверьте согласование в системе. Без комитета платежи не проходят. Кто открыл заявку, кто подтвердил? Там должны быть логи.

Я знала, куда смотреть, и всё ещё надеялась, что ему достаточно подсказать.

Он вытащил ещё один лист.

— Проверяли. Платёж подтверждён из вашей учётной записи.

— Записью можно воспользоваться без меня.

— Оригиналы поручений вот. Сравнивайте.

Он оставил оба листа передо мной. Я не стала снова спорить об учётной записи: он уже слушал только собственное объяснение.

Лист удалось взять только со второй попытки. Росчерк я узнала сразу, а сумму перечитала трижды. В пятницу я была в офисе, это верно. Отправляла отчёт, спорила с бухгалтерией насчёт одного аванса. Но этих поручений не было. Начала вспоминать день по часам и споткнулась: что делала после обеда? Не помнила, и теперь боялась сказать об этом вслух. Они ведь примут обычный провал в памяти за признание.

В спальне зашуршала постель. Эдуард появился в пижаме и остановился у двери, щурясь. Я дёрнулась к нему — пусть хоть он объяснит, что тут происходит. Но взгляд мужа задержался на папке раньше, чем на моей руке. Он расправил плечи и быстро подошёл.

Эдуард обнял меня поверх руки оперативника. Мне пришлось повернуть голову к его плечу: иначе он прижимал подбородок. Хотела сказать ему про подписи, но он уже спрашивал следователя. В его пижаму упиралась моя грудь, я не могла набрать воздуха для длинной фразы.

— Что происходит? — голос Эдуарда был громче, чем нужно для приватного разговора. Он говорил на всю квартиру, так, чтобы слышали оперативники в других комнатах. — Моя жена — финансовый директор нашей компании. Она работает честно. Если есть ошибки, мы поможем следствию разобраться. Мы в шоке, но мы открыты.

Эдуард постукивал пальцами по спине. Я оттолкнулась от его груди, хотела повернуться к столу, но он удержал. Оперативник уже отошёл. Теперь мешал муж. Через халат ладонь была влажной, и мне стало неловко за него — странная, совсем ненужная мысль посреди обыска. Он ведь обычно следил, чтобы при чужих всё выглядело хорошо.

Я попыталась отстраниться, но он не отпускал.

— Эдик, пусти, — прошипела я.

— Вика, не сейчас. Дай мне поговорить, — ответил он.

Я сделала ещё одну попытку отодвинуться. Эдуард прижал крепче и продолжил обращаться к следователю, как будто просьбы не слышал.

Оперативник отступил от двери, и в прихожую вошла Кристина. Костюм цвета слоновой кости, каблуки, сумка для документов — ровно как на совещание. Ни «Что случилось?», ни

взгляда на выбитый замок. Она поставила сумку там, где осколков не было, и сразу пошла к столу. Мы столько лет дружили, что я ждала от неё хотя бы обращения по имени.

— Волкова, Кристина. Адвокат семьи и компании. — Она подала документы следователю, меня не спросила ничего. — Где протокол изъятия? Покажите, что уже забрали. И убедите отсюда посторонних, пожалуйста.

Посторонней я, конечно, быть не могла. Но когда Кристина заняла место у папки, мне пришлось отступить от своего стола.

Эдуард дал мне немного отодвинуться. Кристина кивнула ему, остановилась у папки и потянула к себе верхний лист.

— Виктория, тебе лучше молчать. Ты на эмоциях. Я всё решу. Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

Она говорила почти ласково, но ни разу не спросила, хочу ли я её помощи.

Кристина листала материалы без вопросов. Ни сумма её не удивила, ни дата. Она вела наши внутренние проверки, могла знать что-то раньше меня — я ухватилась за это объяснение. Но зачем тогда запрещать мне говорить? Вчера она слушала жалобы на Эдуарда до полуночи. Сегодня обсуждала меня с незнакомым человеком через мой же стол.

Он подвинул ко мне чистый лист и ручку.

— Распишитесь. Для сравнения.

Я посмотрела на Кристину, ожидая хоть одного совета. Она кивнула: давай.

Я подождала, не возразит ли Кристина, но она уже отступила от стола, давая мне сесть.

Села и взяла ручку. Та сразу выскользнула из влажных пальцев. Эдуард стоял позади, Кристина — сбоку, а я поднимала её со стола, как школьница на контрольной. Захотелось попросить их выйти. Они ведь и раньше видели, как я расписываюсь; почему сейчас нельзя дать мне минуту?

Я вывела имя и фамилию, стараясь не исправлять буквы. Следователь забрал лист, придвинул к поручению. На расстоянии вытянутой руки подписи были похожи. Хотелось отнести их к окну и рассмотреть самой, но он уже сравнивал, водя пальцем от одной строки к другой.

Моя новая подпись была помята в середине — руку повело. На поручении всё ровнее. Следователь смотрел на похожий хвостик, а я на то место, где у меня дрогнули пальцы. Это ничего не доказывало, и всё же я знала: сегодняшнюю подпись поставила. Ту — нет. Пусть даже могу написать точно такую же.

Я оставила ручку на столе. Программой ещё можно было объяснить чужое подтверждение из моей учётки. Поручение пришлось изготовить отдельно. Значит, не обойдётся просьбой восстановить логи и посмотреть, где случайно нажали не ту кнопку.

Ноутбук унесли вместе с дисками и рабочими папками. Я проводила его глазами: на крышке ещё была наклейка, которую всё собиралась снять. Мужчины прошли через прихожую, один придержал испорченную дверь. Когда они ушли, я услышала кофемашину. Она напоминала, что в контейнере кончилась вода. Никто не собирался её доливать.

Глава 2

После ухода мужчин Эдуард отступил. Поправил воротник пижамы; меня больше не обнимал. Я ждала, что сейчас мы наконец посмотрим поручения вместе. Он проверил прихожую и повернулся к телефону. Уже можно было не говорить голосом заботливого супруга.

— Мне жаль, Вика, — сказал он, уже глядя на телефон. — Но нам нужно думать о репутации компании. Инвесторы нервничают. Совет директоров требует действий.

Я ждала, что он спросит, больно ли мне. Он уже смотрел на тумбочку, где оставил телефон.

Он подошёл к телефону, лежащему на тумбочке, и набрал номер.

— Лев? Это Эдик. Да, всё чисто. Она в ступоре. Начинаем процесс временного отстранения. Я беру на себя её функции, финансовый отдел замораживаю. Да, сегодня же.

Лев Гарт, наш партнёр, получил первый звонок. Даже маме я ещё не сказала. Эдуард перечислял ему фамилии сотрудников без запинки — явно не сейчас решил, кого отстранить вместе со мной. Я стояла рядом и ждала своего имени в этом списке.

— Эдик, ты чего делаешь? — я встала, ноги не держали. — Ты только что говорил следователю, что мы вместе!

— Мы вместе в беде, Вика, — он посмотрел на меня сверху вниз, и в его глазах было презрение. — Но компания выше личных проблем. Ты не можешь руководить в таком состоянии. Это профессиональная необходимость. Ты временно отстранена.

Он начал говорить по телефону, отвернувшись. Кристина подошла ко мне.

— Иди отдыхай, Вика. Тебе нужен покой. Я займусь бумагами.

Я открыла рот, но Кристина уже повернулась ко мне спиной. Эдуард в трубку называл фамилии моих заместителей, раздавал поручения. Они договорились без меня. Пока я сравнивала подписи, у меня забрали отдел.

Когда они оба ушли в кабинет, закрыв дверь, я осталась одна в гостиной. Повсюду были следы погрома: опрокинутые стулья, разбросанные журналы, осколки вазы. Я медленно прошла в свой кабинет. Дверь была взломана.

В кабинете я нашла старый кожаный блокнот. Потеряла его полгода назад, перерыла тогда и дом, и офис. На первой странице остался след кофе; по нему я и узнала вещь, не по обложке. Дальше шли схемы переводов. Те же суммы, которые мне показывал следователь. Похожий почерк, зачёркивания. Я прижала страницу ладонью, словно от этого запись могла перестать быть похожей на мою.

Но я не писала это. Никогда.

Я перелистнула ещё страницу и остановилась. Даже исправление суммы выглядело моим: две черты, новая цифра сверху. За это в бухгалтерии меня всегда ругали. Кто-то не только взял мой блокнот — он знал, как я работаю. И рассчитывал, что я узнаю себя в этих записях.

Телефон в кармане халата вибрировал. Экран засветился в темноте кабинета. Сообщение от неизвестного номера.

«Не пиши заявление об уходе. Жди меня. Игнатий Верес».

Имя я слышала в разговорах о громких процессах, но мы никогда не встречались. Откуда у него мой номер? Я перечитала сообщение и сохранила его. Удалить успею; узнать, почему он написал именно сейчас, — нет.

Из кабинета доносился голос Эдуарда. Он просил Льва прислать приказ об отстранении. Я закрыла блокнот и положила его в сумку. Пусть пришлёт. Моё заявление об уходе он сегодня не получит.

Следователь нажимал мышкой и не смотрел на меня. Я считала щелчки, пока не сбилась. В кабинете дул кондиционер; куртку оставили в стороне, и я уже перестала просить разрешения её надеть. Под мышками был липкий пот, а шея мёрзла. Хотелось хотя бы позвонить Кристине и услышать знакомый голос, даже после её утреннего «молчи».

— Мне нужен телефон, — сказала я. Голос дрогнул, пришлось прокашляться, чтобы он звучал тверже. — Я должна позвонить Кристине. Она мой юрист.

Он посмотрел поверх монитора. На мои слова о юристе почти не отреагировал, только проверил что-то на экране. Я вдруг поняла, что он может просидеть так до вечера. У меня закончится голос, а у него рабочий день — и кто-нибудь другой займёт это кресло.

— Пока идёт допрос, гражданка Сорокина, — пробурчал он. — Защитника вызовут. Вы уже дали первичные объяснения. Остальное будет решаться через следственные действия. Ждите здесь.

В дверь вошёл Эдуард, не постучав. Утреннюю пижаму сменил на костюм цвета индиго, даже галстук завязал. Я посмотрела на часы: он успел собраться, пока я здесь мерзла. Часы на его запястье мы покупали вместе; я помнила цену и нашу смешную радость от такой дорогой покупки. Сейчас он держал эту руку на дверной ручке, словно вёл сюда клиента.

— Владимир Петрович, здравствуйте. Адвокат едет, я договорился. — Эдуард улыбнулся ему, не мне. — Можно забрать её личные вещи? Телефон я передам Кристине. Так будет быстрее, чем через ваши канцелярии.

«Её», — сказал про меня. Мы стояли рядом, можно было спросить, кому я хочу отдать телефон.

Эдуард положил визитку и сложенный лист. Следователь прочёл, проверил номер на карточке. Я тоже потянулась посмотреть бумагу, но муж перевернул её. Значит, это не для меня, хотя речь идёт о моих вещах.

— Забирайте, — буркнул следователь. — Но из здания до прибытия защитника не выходить.

Муж протянул руку, уже договорившись. Я посмотрела на следователя: вдруг скажет, что сейчас мне должны вернуть телефон? Тот снова сел к монитору. Эдуард дождался, пока я повернусь к нему.

— Пойдём, Вика. Не стой тут, дышать нечем.

Я не взяла протянутую руку. Он подождал, затем опустил её и пошёл в коридор, считывая, что пойду следом. Так мы проходили мимо ресторанного гардероба, мимо стойки в аэропорту. Я всегда догоняла. И сейчас догнала, хотя от одного его спокойствия хотелось отвернуться.

— Ты знаешь, что это ложь, — прошептала я, когда мы вышли в коридор. Шаги эхом отдавались от кафельного пола. — Ты знаешь, что я ничего не выводила. Почему ты молчишь? Почему ты позволяешь им трогать меня?

У окна он вынул платок и промокнул губы. Мы говорили о моём деле, а он проверял, не осталась ли там капля кофе. Я смотрела на белую ткань и старалась не повysить голос: за дверью слышно, потом Кристина снова скажет, что я на эмоциях.

— Вика, ты можешь хотя бы раз не спорить? — Он говорил тихо, чтобы за дверью не услышали. — Если начнёшь требовать новое расследование, всё затянется. Счета заморозят. Маму тоже потащат, квартиру начнут проверять. Тебе её не жалко?

Про документы он уже не говорил. Только про маму — и смотрел, достаточно ли этого.

Мамина квартира на Пресне. Я сразу представила её прихожую, табуретку для сумок, запах супа из кухни. Мама не знала ни про наши офшоры, ни про эти подписи. Она могла лишиться дома из-за того, что я не подпишу бумагу? Нужно было спросить, какое отношение имеет её квартира к компании. Но я только повторила слово «мама», и Эдуард понял, что попал.

— Маму сюда зачем? — спросила я. — Она ни одной бумаги в компании не подписывала. Я хотела услышать хотя бы причину. Эдуард ответил раньше, чем я закончила.

— Вот Кристина тебе всё объяснит. Помнишь налоговую проверку в восемнадцатом? Она же нас вытащила. Сейчас сделает то же самое, только дай ей доверенность.

— А если я не хочу?

— Хорошо, найди другую. Пока будешь искать, отправят в СИЗО. Чем платить? На что лекарства маме покупать? Вика, подпиши. Я тебя прошу.

Он попросил и посмотрел мне в глаза. Обычно после этого я начинала объяснять, почему соглашусь: ради мамы, ради сотрудников, ради спокойствия. Сейчас не находилось ни одного честного объяснения. Но следователь был за дверью, квартира матери — где-то в его угрозах, а я стояла без телефона и денег. У Эдуарда всё было с собой.

Глава 3

Кристина пришла через двадцать минут. Уже в тренче и на низком каблуке; я заметила это раньше, чем её лицо. Она успела переодеться. Вошла в выделенный нам кабинет, кивнула Эдуарду и села к столу. Я подвинула стул, думая, что она устроится рядом со мной. Она выбрала место напротив следователя.

Мы обменялись взглядами. Я попробовала улыбнуться ей — жалко, по привычке. Кристина отвела глаза и достала бумаги. Эдуард кивнул на верхний лист, она ответила коротким движением подбородка. Я не знала, о чём они договорились, и вдруг стало стыдно за эту улыбку.

— Добрый день, коллеги, — произнесла Кристина, садясь напротив стола следователя, спиной ко мне. — Эдик объяснил ситуацию. Нам нужно срочно подписать ходатайство о назначении меня представителем интересов обвиняемой. Также есть документ о признании факта ошибки в бухгалтерской отчетности для смягчения наказания.

Я вцепилась в спинку стула. Кожаная обивка холодила ладони.

— Крис, — позвала я. Голос сорвался на хрип. — Посмотри на меня.

Кристина повернулась, оставив руку на папке. Я ждала, что начнёт с вопроса, зачем они требуют признание. Она только придвинула ко мне первый лист.

— Вика, я сейчас не про твоего мужа. У нас материалы дела. — Она постучала ногтем по папке. — Экспертиза подтверждает подписи. Назовём это ошибкой в управлении, попросим условный. Или будешь доказывать умысел, получишь реальный срок. И имущество тоже заберут. Ты понимаешь, что предлагается?

— Экспертиза? — переспросила я. — Какая экспертиза? Их только начали делать! Откуда у тебя готовые документы?

Она взяла планшет. Пока загружался экран, подождала молча, как ждала на совещании, когда кто-нибудь слишком долго искал файл. Мне хотелось заставить её повторить слово «экспертиза». Она уже переходила к следующему доказательству.

— «Крис, сделай так, чтобы прошла». Твои слова? — Она показала сообщение. — Или теперь и этого не помнишь? В прошлом году всё подходило, а сегодня я должна придумывать тебе оправдания.

Я наклонилась к экрану. Она читала мне кусок рабочего чата, как будто никогда сама в нём не отвечала.

Планшет она держала ближе к себе. Я наклонилась, чтобы прочитать сообщения, и узнала начало фразы про согласование. Дальше стояли слова, которых не было. Рабочее «сделай так, чтобы прошла» относилось к заявке, а здесь выглядело приказом обойти проверку. Мне хотелось схватить планшет, открыть исходный чат и показать дату. Кристина уже убирала экран от меня.

— Это подлог, — сказала я, и в комнате стало тихо. — Кристина, ты подделала доказательства.

Она наконец посмотрела на меня. В её лице не было ни тени смущения. Только легкое презрение.

— Доказательства суд оценивает по совокупности, — отрезала она. — А судья знает, что ты финансовый директор. Кто еще мог дать команду на вывод двухсот миллионов? Эдуард? Он номинальный гендиректор, он ничего не решает. Лев Гарт? Он партнер, но он вне операционной деятельности. Это всегда была твоя зона ответственности, Вика. И теперь твоя вина.

Я поднялась со стула и тут же опёрлась на спинку: перед глазами потемнело. Духи Кристины были слишком сладкими для этого душного кабинета. Она смотрела на меня так внимательно, что я заставила себя выпрямиться. Ещё не хватало упасть и дать ей повод рассказать о моём состоянии.

— Я не буду подписывать, — проговорила я, хотя голос дрожал. — Я требую независимого юриста. Я требую...

— Хватит! — рявкнул Эдуард.

Эдуард поднялся, отодвинув стул коленом. Схватил меня за запястье и потянул к листу. Я удержала локоть у тела, но его пальцы сжались сильнее. Часами он придавил край моего рукава. Я жаловалась ему на эту застёжку, когда цеплялась за неё дома. Сейчас он даже не заметил, как она впилась в кожу.

— Ты всех бесишь своими истериками, — прошипел он мне в лицо. Близко. Так близко, что я чувствовала вкус его кофе на губах. — Подпиши бумагу. Прямо сейчас. Или я клянусь, ты пожалеешь, что вообще родилась. Маме станет хуже. У неё давление. Ты хочешь убить её своим упрямством?

Я потянула руку на себя. Охранник придвинулся к двери, а следователь откинулся в кресле. Они видели, что Эдуард делает. Можно было обратиться к ним прямо: «Помогите». Я посмотрела на человека за столом, но он не спросил мужа даже о том, почему тот держит меня.

— Не трогай меня, — сказала я почти шёпотом.

Громче не получилось. Я боялась, что снова сорвусь на визг, а Кристина потом будет пересказывать именно его, не то, как Эдуард сжимал руку.

Телефон мужа завибрировал. Он выпустил руку, отвернулся. Кристина заняла его место рядом со мной, коснулась плеча. Я дёрнулась. Она увидела и улыбнулась ещё мягче — опять будет говорить, что я не понимаю собственной пользы.

— Возьми ручку. — Она положила её мне в ладонь, которой не было больно. — Сейчас оформим, потом отдохнёшь. Ты же не собираешься всю ночь здесь сидеть?

Я смотрела на ручку. У Кристины нашлась минута выбрать её за меня, а объяснить, под чем расписываюсь, она не торопилась.

В листе шли одно за другим: представление интересов, содействие следствию, признание факта. Я прочла до последней строки и вернулась к слову «признание». Кристина подержала указательный палец у места подписи. Я молчала, пока она не убрала руку.

Эдуард отвечал на звонок. Ему было удобно отвернуться, пока я читала бумагу. Сначала говорил о встрече, потом засмеялся. Я посмотрела на его спину, на рукав пиджака у моего плеча. Можно было дотронуться и попросить: побудь здесь со мной. Только я уже знала, как он назовёт эту просьбу.

Он смеялся, пока я держала ручку над признанием. Не спросил, что я подписываю. Даже не прикрыл микрофон. Ему уже не нужно было моё согласие — хватало подписи, которую Кристина сейчас выжимала из меня.

Я стиснула челюсти, чтобы не попросить его положить трубку. Он всё равно не услышит. Посмотрела на строку, под которой ждала Кристина, и впервые прочла документ до конца, несмотря на дрожь.

Подпиши, — шептал голос в голове. Выживи.

Я опустила голову к бумаге. Кончик ручки коснулся листа. Чернила потекли, оставляя жирную точку. Я начала писать свою фамилию. Сорокина. Буквы получались неровными, дерганными, но они были моими.

Пока я выводила фамилию, Кристина переложила папку. Из-под неё выступил край визитки. Серебряное тиснение было видно даже отсюда. Я подняла глаза и успела прочесть имя целиком: Игнатий Верес. Ручка осталась над листом, и Кристина сразу проследила, куда я смотрю.

На нижнем крае карточки виднелась мелкая строка с телефоном. Я прочла её про себя, пока Кристина не закрыла визитку рукой.

Я замерла с ручкой в воздухе. Сердце пропустило удар.

Верес. На корпоративных совещаниях его имя произносили с раздражением, будто обсуждали непредвиденный налог. Я раньше не вникала. Выигрывал какие-то безнадёжные дела, отказывался от предложений, которые другие принимали с благодарностью. Почему его визитка здесь, у Кристины? Она ведь привела меня подписывать признание.

Кристина забрала визитку раньше, чем я успела прочесть мелкую строку целиком. Номер я всё же запомнила. Она сунула карточку в сумку, за папку, и прижала застёжку. Впервые за весь день у неё сорвалось движение — она промахнулась пальцем мимо кнопки. Я смотрела именно на эту руку.

— Что это? — спросила я тихо.

Ничего не ответила. Только Эдуард обернулся, нахмурился.

— Подписывай, Вика. Быстрее.

Я дописала фамилию и положила ручку. Кристина забрала лист, не дав ещё раз перечитать. Подпись была моей, теперь точно. От этого стало хуже, чем от похожего росчерка на поручении: там можно было спорить, здесь я сама позволила им унести бумагу.

Визитку она спрятала в сумку, за планшет. Я смотрела на застёжку и повторяла про себя номер. Хотя эта вещь останется у меня, если снова заберут телефон.

Нужно было поговорить с Вересом. Не с тем, кого выбрал Эдуард. Теперь я знала, насколько Кристине не хочется даже оставлять его имя на столе.

Я больше не спрашивала её о визитке. Сначала выйду отсюда, доберусь до телефона, затем найду номер. Если говорить сейчас, она придумает, почему Верес не возьмётся.

Глава 4

Кристина передала бумагу следователю. Я встала. Ноги гудели. Он велел расписаться в подписке о невыезде и разрешил уйти. Я перечитала запреты дважды, прежде чем взяла ручку.

Мы вышли из здания СК на улицу. Утро было холодным, ветреным. Город просыпался, гудел трафиком, спешил по своим делам. Эдуард поймал такси, открыл дверцу, жестом приглашая меня сесть.

— Поехали домой, — сказал он. — Отдыхай. Тебе нужно восстановиться.

Я не села в машину. Стояла на тротуаре, чувствуя, как ветер задирает полы пальто. Кошелёк вернули пустым; телефон оставался у Эдуарда. Я протянула ладонь в открытое окно такси.

— Телефон.

Он посмотрел на меня, потом бросил аппарат мне в руку.

— Там нечего искать, Вика.

Я убрала его в карман, не отвечая. Деньги он забрал, но хотя бы номер Вереса я смогу найти.

Эдуард нахмурился, высунулся из машины.

— Вика, хватит фокусов. Садись.

Я посмотрела на него. Потом на Кристину, которая уже садилась в соседнее такси, избегая моего взгляда. Они оба считали, что победили. Что сломали меня. Что я теперь их игрушка, их актив, их жертва.

На тротуаре я тёрла онемевшее запястье через рукав. Плакать при Эдуарде больше не хотела, но и идти было тяжело: ноги гудели, ветер лез под воротник. Его машина оставалась рядом, дверь была открыта. Я знала, что могу сесть. В этом и была самая неприятная часть выбора.

— Вы сделали ставку, — прошептала я вслед закрывшейся дверце. — Ладно. Посмотрим, кто выиграет.

Эдуард захлопнул дверцу. Машина тронулась с места, увозя его прочь. Кристина скрылась за поворотом.

Когда такси ушли, я посмотрела в телефон. Пропущенные звонки, мамино сообщение, утренняя строка от Вереса. Пока никто не забрал аппарат снова, надо было сохранить номер. Я внесла его в контакты и подняла голову: идти придётся самой, и лучше начать, пока не замёрзла.

Ты боишься его больше, чем меня, сука, — подумала я, улыбаясь уголками губ. Первая улыбка с шести утра. Кривая, горькая, но настоящая.

Я развернулась и пошла пешком. В обратную сторону от дома. В сторону центра города. В сторону офиса Вереса, если он вообще существует.

Мне нужно было оружие. И я знала, где его искать.

До турникета я дошла и остановилась. Днём ещё могла назвать должность, а сейчас охранник уже вряд ли пропустит по знакомому лицу. Компания «Гарт-Сорокин Инвест» занимала этот бизнес-центр, у Вереса тоже был здесь офис. Я поправила пальто, скрывая влажные пятна на блузке. Секретарша у стойки смотрела в монитор. Нужно было добиться, чтобы она позволила наверх.

Я положила ладонь на стойку и убрала: пальцы заметно дрожали. Как будто сидела дома, а не десять лет подписывала документы на совещаниях с этими людьми. Ногтем упёрлась в кожу у основания большого пальца. Боль немного помогла; хотя бы спросить дорогу теперь смогу без заикания.

— Верес без рекомендации не принимает, — секретарша ответила, не позвонив наверх. — У него плотный график. Оставьте визитку.

Три года назад я выбирала мебель для этого холла. Проверяла, не вылезет ли смета за согласованный бюджет. Теперь стояла перед стойкой, которую сама одобрила, и слышала про визитку. Можно было напомнить секретарше, кто я. Она бы попросила не задерживать очередь, даже если очереди нет.

Я сделала шаг назад, развернулась и пошла к лифтам. Но турникет перед лифтами не открывался без пропуска. Я толкнула дверь на служебную лестницу. Сердце колотилось так, что слышалось в ушах гулом. Стандартные двери были закрыты. Значит, нужно использовать грязь. Их собственную грязь.

По лестнице я спустилась на минус первый этаж — паркинг. Там меня ждал охранник. Крупный мужик с шевроном частной службы безопасности, он перегораживал путь к служебному входу в кабинет Игнатия Вереса. Тот самый вход, о котором мне шепнул один из бывших коллег, прежде чем его уволили вместе со мной.

— Стоп. Досмотр сумки, проверка по базе, — он протянул руку, требуя мой пропуск.

Охранник ждал пропуск. Я сунула руку в сумку и ничего не достала: сама знала, что карточку заблокировали. Но он следил за рукой, ещё не за лицом. Оставалось несколько секунд, чтобы назвать причину, которую ему будет неудобно отместить.

— Эдуард Сорокин, — произнесла я четко, глядя ему прямо в глаза. — Генеральный директор. Компания «Сорокин Инвест». Дело №45-Б/24. Если вы не пустите меня сейчас, завтра ваш начальник будет объяснять следователю, почему свидетели по громкому делу не могут попасть к защитнику. Вы хотите писать объяснительную?

Он повторил фамилию Сорокина и посмотрел за моё плечо, будто Эдуард мог войти следом. Я не стала объяснять, что мужа со мной нет. Держала папку выше, чтобы он видел документы. По его взгляду поняла: скандал ему знаком, решать такой вопрос одному не хочется.

— Пропуск есть? — спросил он тише.

— Нет, — ответила я. — Но у меня есть причина быть здесь. Пустите.

Охранник набрал кого-то по внутреннему телефону. Сказал мою фамилию, послушал и отступил от двери. Я прошла, стараясь не ускорить шаг. Если сейчас побегу, он может передумать. У самой двери поблагодарила его; получилось сухо, но другого голоса пока не было.

В конце коридора за матовым стеклом горела настольная лампа. У двери сидела женщина с седыми волосами, аккуратно уложенными за уши. Она посмотрела на мою папку и встала, не дожидаясь объяснений. Я остановилась: обойти её нельзя, здесь даже плечами не разойдёшься.

— Он занят важными клиентами, — сказала она, блокируя дверной проем своим телом. — Никаких бытовых. Никаких разводов. Никаких «помогите мне, я не виновата». Это не благотворительная организация.

Мои пальцы вцепились в ручку папки. Внутри лежали копии документов, которые Кристина оставила мне после подписания бумаг у следователя. Бумаги пахли пылью и чужой ложью.

— Здесь три подписи, — сказала я тихо, но так, что эхо ударило в стеклянные стены. — Одна моя. Две — подумали.

Женщина моргнула. Она переспросила:

— Какие две?

Я развернула папку и показала строки Гарта и Волковой. Секретарь наклонилась над листами, потом подняла глаза на меня.

— Подождите, — сказала она и исчезла за дверью.

Через минуту дверь открылась.

— Входите.

Верес сидел за пустым столом и читал. На мой приход не поднял головы. Я остановилась у стула, не решаясь его отодвинуть: вдруг скажет, что не приглашал садиться. В комнате было мало вещей, и оттого особенно заметны папка, пепельница и его рука на верхнем листе.

Он перевернул страницу. Я подождала. Ещё страницу. На часах над дверью прошла минута, потом вторая, а спросить, заметил ли он меня, было страшнее, чем стоять.

Я начала придумывать первые слова. Что ничего не брала? Он и так знает, зачем пришла. Что мне нужен адвокат? Это тоже понятно. Дальше всё сбивалось на Эдуарда: утром держал меня перед следователем, говорил «мы», а потом сам распорядился забрать мой отдел. Как это объяснить человеку, который не видел нас вместе?

Я вытащила из папки копии. Они дрожали; пришлось придержать их второй рукой. Верес мог не хотеть слушать про мужа, но документы всё-таки был обязан хотя бы посмотреть. Иначе зачем у его двери написано «адвокат»?

Стул оказался свободен, и я села. Положила папку перед собой. Так было легче: ступни упирались в пол, локти можно держать на коленях. Если он ждёт истерики, придётся подождать ещё. Я решила не начинать первой.

На пятой минуте захотелось уйти. Уже встала бы, если бы не Кристина и то, как она прятала визитку. Раз она боится этого человека, я могу посидеть. Отодвинула папку на середину стола — маленькое движение, но он наконец посмотрел на документы.

Я подтолкнула лист к нему на несколько сантиметров, чтобы он видел нижнюю строку.

Верес поднял голову. Серые глаза, обычная строгая стрижка; я ожидала увидеть кого-то старше. Костюм сидел хорошо, но не он заставил меня замолчать. А то, как адвокат взял верхний лист: сразу нашёл строку, которую я перечитывала весь день, и пододвинул к ней второй документ.

— Эдуард Сорокин, Лев Гарт, Кристина Волкова, — перечислил он имена, не глядя на меня. — Ваша подпись на платежном поручении. Подпись Гарта на контракте с фиктивной фирмой. Подпись Волковой на протоколе собрания директоров, где вас назначили ответственным лицом задним числом.

Он взял два листа и положил их рядом. Почерк был разным, но стиль оформления — одинаковый. Отшлифованный. Профессиональный.

— Это не ошибка в цифрах, Сорокина. — Верес ткнул в строки двух подписей. — Гарт оформил контракт, Волкова подготовила протокол. Потом назначили вас ответственной задним числом. Когда следователь спрашивает, кто вывел деньги, ему показывают вашу должность и вашу подпись. И вы начинаете оправдываться за то, что не делали.

Я ещё пыталась оставить Эдуарду оправдание: испугался, растерялся, поверил Кристине. Верес показывал на подписи Гарта и Волковой. Их поставили задним числом. Значит, дело не в утреннем испуге. На этой мысли я остановилась — дальше нужно было отказаться от слишком многого, что ещё вчера считала своей жизнью.

Я прикрыла рот ладонью и дождалась, пока он закончит. Спорить хотелось, но не с тем, что было на листах.

Он подождал, пока я отведу взгляд от копий. Я кивнула, не найдя, что возразить. Верес убрал бумаги обратно в папку и спросил, сохранила ли я телефон. Такой простой вопрос оказался легче всей его предыдущей речи.

Глава 5

— Я возьмусь за дело, — сказал он вдруг.

Я вскинула голову.

— Но условия будут жёсткими, — продолжил он, перебирая пальцами край стола. — Вы станете моими руками внутри компании. До момента ареста партнёров. Вам придётся улыбаться Эдуарду. Пить кофе с Кристиной. Передавать мне информацию о каждом их шаге. Каждый звонок, каждая встреча, каждый документ.

Улыбаться Кристине, просить встречи с Эдуардом. Всего несколько часов назад я от них ушла. Значит, снова придётся слушать «ради твоего же блага» и делать вид, что верю? Я смотрела на дверь кабинета: ещё можно было встать, поблагодарить и искать другого защитника. Но другой не назвал бы мне три подписи до того, как я успела объяснить дело.

— Зачем вам это? — спросила я.

— Они считают, что вы согласились, — ответил Верес. — Не ждут, что будете сравнивать бумаги. Вам по-прежнему расскажут больше, чем мне. Только больше не подписывайте ничего до нашего разговора.

Он ждал моего ответа, постукивая ногтем по краю стола. Я заметила совсем коротко обстриженные ногти и подумала, что рядом с ним будет трудно прятать собственные нервы. У Эдуарда научилась угадывать настроение. Этого человека ещё не умела читать — и всё же хотела, чтобы именно он смотрел мои бумаги.

— Я согласна, — сказала я. — Только вы будете знать, куда я иду и с кем встречаюсь. Верес кивнул и открыл ящик стола.

Верес достал из ящика экземпляр договора и протянул мне ручку. Черную, тяжелую, металлическую.

— Прежде чем вы поставите свою подпись, которая снова может стать уликой против вас, — сказал он, и тон его голоса изменился. Стал тише, интимнее, опаснее. — Знайте одну вещь.

Я взяла ручку. Пальцы скользнули по холодному металлу.

— Лев Гарт, ваш бывший партнер, страдает паранойей, — произнес Верес. — Пятнадцать лет он записывает все разговоры. Все встречи. Все совещания. «На всякий случай». У него есть архив. Полный.

Мое сердце пропустило удар.

— Я знаю, где этот архив, Сорокина, — он наклонился вперед, сокращая дистанцию. Запах его дорогого табака ударил в нос. — И я знаю, чем его открыть.

Пятнадцать лет. Значит, в архиве могли быть и разговоры о моих платежах. Я придвинула договор ближе. До этой минуты собиралась просить Вереса доказать, что я не виновата. Теперь хотела услышать, как они договаривались за моей спиной, и заставить их повторить это перед судом.

Чернила поставили точку раньше, чем я успела написать фамилию. Я попросила другой лист. Верес достал чистый экземпляр, не комментируя дрожь. Первый договор так и лежал сбоку с моим чёрным пятнышком: я почему-то запомнила, что он не стал его выбрасывать при мне.

— Подпишите, — приказал Верес. Не попросил. Приказал.

Я подписала договор и проверила фамилию. Получилось разборчиво. После утреннего образца это неожиданно обрадовало: рука всё-таки слушается, хотя бы здесь я могу не торопиться.

Верес забрал договор, аккуратно сложил его и положил в сейф. Затем протянул руку.

— Телефон.

Я недоуменно посмотрела на него.

— Ваш телефон. Отдайте.

Телефон лежал в кармане пальто. Я достала его, увидела мамины пропущенные и хотела прижать к себе: только вернули, зачем отдавать ещё кому-то? Верес держал ладонь открытой, не тянулся ко мне. Я спросила, что он собирается сделать, и лишь потом положила аппарат ему в руку.

Верес взял телефон, но не стал разблокировать его сам.

— Откройте контакты. И покажите, где рабочая группа.

Я набрала код и повернула экран к нему.

— Вы удаляете мои контакты? — спросила я, чувствуя панику.

— Я очищаю поле боя, — ответил он, не поднимая глаз.

Он отключил уведомления общей рабочей группы, затем добавил свой номер в избранное. Контакт Эдуарда переименовал: вместо «Эдик (Муж)» теперь стояло «Эдуард Сорокин».

— Переписку не удаляйте. Даже ту, которую больно читать. Она нам ещё понадобится.

Я проверила список. Мамин номер остался на месте.

Он вернул телефон.

— Напишите ему сегодня вечером, — сказал Верес, и его шепот был слышен даже сквозь гул вентиляции. — Скажите, что соскучились. Пусть он повернется ко мне спиной.

Я посмотрела на экран телефона. Курсор мигал в строке сообщений. Палец завис над клавиатурой.

За окном зажгли свет в соседних офисах. Эдуард наверняка уже закончил звонки по поводу моего отстранения и считал день удачным. Я набирала сообщение ему, сидя напротив Вереса. Непривычно было знать, что муж прочтёт одно, а я буду думать о другом.

Я набрала сообщение.

«Привет. Скучаю. Давай увидимся?»

Отправила.

Сообщение ушло. Отмечать, что Эдуард прочёл его, я не стала: положила телефон экраном вниз и спросила Вереса, какой документ нужен первым.

В кабинете Кротова всё осталось на своих местах, даже чашка рядом с клавиатурой. Только я теперь пришла с защитником. Села на скрипучий стул и положила сумку на колени: если снова велют оставить вещи, сначала спрошу Вереса. На столе лежало поручение с моим росчерком. Я смотрела на сумму, чтобы не отворачиваться от листа совсем.

Верес не сел. У окна ему было удобнее видеть и Кротова, и меня. Следовательно несколько раз поднял голову к нему, но так и не предложил стул. Я заметила это и перестала считать себя единственным человеком в кабинете, которому здесь рады меньше всего.

— Это частное мнение, Сорокина, — Кротов даже не поднял глаз от монитора. Пальцы его продолжали печатать отчет, игнорируя толстую папку, которую Верес молча положил ему на стол. — Независимая экспертиза? Вы смеетесь? Мне нужны процессуальные рамки. Ходатайство. Повестка. Бюрократия, а не ваши игры в детектива.

Кротову опять чего-то не хватало: формы, повестки, ещё одной бумаги. Я перевела взгляд на папку Вереса. Он её принёс, значит, знал про формы заранее. Пока я выбирала, как спросить без жалобы, адвокат отошёл от окна и открыл застёжку.

— Владимир Петрович, здесь договор вашей супруги. — Верес раскрыл папку на нужной странице. — Коммерческое помещение на Садовой. ООО «Финанс-Гарант» арендует его через посредника и одновременно фигурирует в материалах, которые вы проверяете. Вы видели этот договор?

Кротов перестал печатать. Сначала прочёл шапку договора, затем начал листать быстрее. Я смотрела, как он ищет фамилию жены, и не могла отделаться от мысли: когда я просила проверить свои платежи, он даже мышь из руки не выпустил. Теперь обе ладони были на папке.

— Оставьте документы, — процедили сквозь зубы. — Для ознакомления.

Эдуард вошёл с молодым юристом. Тот остался у порога, прижимая к груди портфель. Муж прошёл к столу, не посмотрев, куда можно сесть. Галстук у него съехал, и я по старой привычке заметила это прежде, чем услышала первое требование.

— Изъять всё! — рявкнул Эдуард, бросаясь к столу. Его галстук съехал набок, глаза горели лихорадочным блеском. — Это компромат! Следствие закрыто! Вы нарушаете процедуру, Верес!

Верес придержал свою папку ладонью. На крик не ответил. Кротов отодвинул чашку, чтобы Эдуард её не задел, и от этого бытового движения мне стало особенно мерзко: все видели, что муж собирается здесь хозяйничать, но переживали пока за кофе.

Эдуард схватил край папки, которую Кротов только начал листать, и потянул на себя. Папка упала на пол. Листы разлетелись.

— Ты всё испортишь, дурочка, — прошипел Эдуард, нависая надо мной. Он схватил меня за предплечье. Пальцы впивались в ткань пиджака, больно, до синяков. — Подними. Сейчас. Пока они не поняли, что ты просто истеричка без денег.

Эдуард требовал, чтобы я подняла листы. Меня он всё ещё держал, так что наклониться было бы невозможно. Я посмотрела ему в лицо: он даже не заметил этого. Как на работе — поручение отдал, а как я справлюсь, уже не его забота. Только здесь рядом стоял Верес, и я не хотела снова повиноваться при нём.

Впервые за годы нашего брака я не отвела взгляд. Я не заплакала. Не замолчала.

Медленно, демонстративно, я отодвинула стул назад. Колеса скрипнули по линолеуму, создавая дистанцию. Я стряхнула его руку с своего плеча. Грязь осталась на ткани, но она была уже не так важна.

— Эдуард, — мой голос звучал ровно, почти скучно, но я специально говорила тише него, чтобы он перестал кричать. — Ты боишься, что подпись не твоя? Или боишься, что она моя, но я её не ставила?

Эдуард опустил руку. Его юрист открыл рот, но муж обернулся к нему раньше, чем тот успел вступиться. Я держала стул за край сиденья, чтобы не выдать дрожь. Вопрос задала, теперь главное — не начинать объяснять, что имела в виду. Пусть отвечает сам.

Муж отступил к двери и посмотрел на Кротова, ожидая, что тот вернёт разговор в привычное русло. Кротов поднял с пола один из листов. Эдуард вышел, хлопнув дверью; рамка на стене сорвалась с крючка, и его юрист наклонился её поднять. Меня о бумагах больше не просили.

Я выдохнула. Воздух вошел в легкие с хрипом. Сердце колотилось где-то в горле.

— Держись, — слышалось совсем близко.

Верес тронул плечо — там, где ещё болело от захвата. Я выпрямилась, заметив, что всё это время сидела перекосившись. Он убрал руку, как только я повернулась к нему. От короткого прикосновения захотелось сказать больше, чем обычное спасибо, но мы всё ещё были перед Кротовым.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не благодарю. Работаем, — он отвернулся, возвращаясь в роль адвоката.

Кротов, красный от натуги, набрал номер начальника.

— Да... нет, я понимаю... заключение графолога МВД... предварительное... да, несоответствие моторики...

Я перестала теребить застёжку сумки. «Несоответствие моторики» — Кротов произнёс это сам, в трубку, не споря со мной. Я посмотрела на Вереса, но он уже листал нашу копию. Очень хотелось, чтобы он улыбнулся: да, ты правильно услышала, они сомневаются.

Но триумф длился недолго. Мой телефон вибрировал в кармане. Один раз. Коротко.

Я достала аппарат. Экран показал сообщение от неизвестного номера. Фотография. Здание суда. Знакомый профиль. Кристина. Она уверенным шагом входила в двери, прижимая к груди папку. На обложке крупными буквами значилось: «Иск против Сорокиной В. О защите деловой репутации».

На экране Кристина входила в суд с папкой. Я увеличила фотографию, пока не расплылись буквы на обложке. Иск против меня. Значит, ей мало было платежей и признания, которое выбили утром. Теперь придётся оправдываться ещё и за то, что назвала подлог подлогом.

— Что там? — спросил Верес, заметив, как побледнело мое лицо.

— Кристина подала иск, — сказала я, пряча телефон. — Она хочет сделать меня виноватой публично. До того, как суд оправдает меня юридически.

Верес усмехнулся. Холодно, хищно.

— Пусть подаёт. Чем громче она кричит, тем быстрее мы услышим эхо.

Глава 6

Мы дошли почти до выхода. Люди в коридоре расходились перед нами без особого интереса, а я всё ждала, что кто-нибудь позовёт по фамилии. Верес шёл рядом, держа папку под рукой. В кабинете я выдержала взгляд Эдуарда; за дверью ещё не могла поверить, что от этого ничего страшного не случилось.

У самой двери Верес остановился.
— Подожди.

Верес вернулся к столу и попросил разрешения посмотреть спорный оригинал под лампой. Кротов подвинул лист. Я подошла следом, не понимая, что можно разглядеть без эксперта. Адвокат держал бумагу за края, не касаясь росчерка.

— Смотри, — сказал он, не повышая голоса.

Я наклонилась. Свет лампы выхватил из тени детали. Я увидела свою подпись. Красивую, уверенную. Но вокруг букв, особенно вокруг росчерка буквы «В», были едва заметные, микроскопические царапины. Точки. Линии.

— Это не ручка, — произнес Верес задумчиво. — Нажим слишком ровный. Угол наклона идеален для машины, но не для руки, дрожащей от страха или спешки. Похоже на механическое воспроизведение подписи. А царапины могли оставить специально, имитируя нажим пера. Нужно исследовать бумагу и чернила.

Я вспомнила демонстрацию у Льва Гарта. Он водил пальцем по образцу упаковки и хвастался точностью машины. Мы тогда спорили о цене оборудования, я просила окупаемость, а он смеялся, что я думаю только о цифрах. Если подпись тоже воспроизвели машиной, Лев знал, где это сделать. Совсем не обязательно было искать неизвестного мастера.

Лев. Партнер. Тот, кто всегда держался в тени, улыбался широко и говорил правильные слова. Тот, кто считался другом семьи.

— Следы нужно сохранить для эксперта, — продолжил Верес, возвращая документ Кротову. — Я подам ходатайство о техническом исследовании.

Кротов положил лист в конверт. Верес дождался, пока он запишет номер документа, и только потом убрал нашу копию в отдельную папку.

Он протянул папку мне.
— Сохраняй копию. Оригинал останется в деле.

Мы пошли к выходу. В приёмной я прижала сумку к боку, проверяя, не помялась ли тонкая папка внутри. Моя копия была при мне, оригинал — у Кротова. Теперь нельзя было позволить ему забыть про исследование.

На выходе из здания, в приёмной этажом ниже, висела вешалка с куртками тех, кто ждал своей очереди. Среди множества плащей и пальто я увидела одну. Темно-синяя, дорогой крой, кашемировый воротник. Куртка Льва Гарта.

Я прошла мимо неё. Инстинкт кричал остановиться, проверить. Но я сделала вид, что не заметила. Я узнала её: Лев сам показывал мне этот воротник, когда хвастался покупкой. Кашемировый воротник был мокрым; Лев пришёл совсем недавно. Значит, он мог сидеть сейчас у Кротова и спрашивать, что именно мы принесли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.